

Б.И. Кузник

ЧИТИНСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ И РАБОТЫ ПРОФЕССОРА ИГОРЯ ДМИТРИЕВИЧА БОЕНКО

Когда я вспоминаю профессора Игоря Дмитриевича Боенко (а у нас в семье это имя повторяется довольно часто), у меня становится тепло на сердце. Игорь Дмитриевич «царствовал» на кафедре нормальной физиологии Читинского медицинского института сравнительно недолго – всего 8 лет, но оставил за эти годы неизгладимый след в сердцах тех людей, которые имели счастье работать и сотрудничать с ним. Я считаю, что это было самое счастливое время, проведенное мною в стенах Читинского медицинского института

(ныне академии)

Создавали кафедру с Игорем Дмитриевичем в Чите начинающий очень талантливый педагог и ученый, выпускница Одесского медицинского института Лилия Павловна Розова и бывший сотрудник Пермского стоматологического института к.м.н Вениамин Степанович Сумбаев.

Игорю Дмитриевичу Боенко было тридцать три года, выглядел он гораздо старше. Уроженец Казацкой станицы Краснодарского края, он успел пройти суровую жизненную школу. С четвертого курса Воронежского медицинского института ушел добровольцем на фронт, получив звание зауряд-врача. В переводе на русский язык это означало «недоучка».

-Я действительно был недоучка, – как-то признался Игорь Дмитриевич. – Учеба на четвертом курсе проходила у меня не столько в аудиториях и

практикумах, сколько в уборке урожая, рытье окопов или дежурствах в штабе народного ополчения. А что можно было узнать при таком обучении? В армии я исполнял обязанности полкового врача, корпусного эпидемиолога, а в последний год войны работал в медсанбате хирургом. Может быть, и стал бы я, как и мечтал на фронте, хирургом, но после войны, окончив Воронежский мединститут, я решил заняться наукой и поступил в аспирантуру при кафедре нормальной физиологии Челябинского медицинского института.

Будучи любознательным и трудолюбивым, он еще до окончания аспирантуры защитил кандидатскую диссертацию. По конкурсу прошел доцентом в Рязанский мединститут, а оттуда распоряжением Министерства здравоохранения РСФСР бывший фронтовик был переведен в Читу на заведование кафедрой нормальной физиологии вновь созданного медицинского института (на базе раформированного Пермского стоматологического института).

В сентябре (студенты в колхозе), а сотрудники вновь сформированной кафедры разбирали содержимое ящики с оборудованием, присланным Пермским медицинским институтом. Оборудование – громко сказано - Игорь Дмитриевич изобретательно превращал хлам в аппараты, на которых студентам в дальнейшем пришлось работать.

Студентам, приехавшим из колхоза, нравилась наша кафедра, они охотно ее посещали в не учебное время. Особой популярностью пользовался научный студенческий кружок. Вел его Игорь Дмитриевич. Но как! Тематика обширная и разнообразная. От гипноза (сеансы проводил сам) до видов разных религий и влияния их на психику человека. Это был настоящий ликбез не только для студентов, но и для преподавателей. Экспериментальных работ не было из-за отсутствия материальной базы.

Первое впечатление мое впечатление от И.Д. Боечко – перед тобой массивная фигура. Нет, он совсем не толстый и даже стройный. Но в то же время возникает впечатление чего-то большого, массивного, занявшего значительный объём заутка, в котором мы ютимся Лилией Павловной. Боечко высок ростом и безусловно красив. Но красота его особенная, не мужская и уж никак не

мужественная, а какая-то очень умная красота. С первого взгляда ты понимаешь, что перед тобой действительно незаурядный и одарённый человек. Я до сих пор не могу понять, почему Игорь Дмитриевич произвёл на меня именно такое впечатление. Глаза! Нет, глаза у Игоря Дмитриевича мне в первый момент не показались выразительными. Это я только потом заметил, какой у него пронизательный, гипнотизирующий взгляд. А когда он улыбался, то от угла глаз расходились морщинки-лучики, отчего взгляд его теплел. Но не это удивило и поразило меня в первый день нашего знакомства. Так что же, что же, что же? На этот вопрос я не могу ответить до сих пор.

Неожиданно Игорь Дмитриевич приглашает меня пройти к себе в кабинет. Он спрашивает меня, где я работал раньше, интересуется, чем занимается Иваницкий-Василенко. Я неохотно рассказываю о своей работе, а про себя думаю «ну зачем, зачем ему это нужно. Ведь я ассистент другой, не его кафедры (*я был проведен ассистентом на кафедру патофизиологии). Но он слушает меня с таким неподдельным интересом, что я постепенно расхожусь и с жаром рассказываю о тех экспериментах, которые проводил в Саратове. И когда наша беседа подходит к концу, я неожиданно для себя заявляю, что хотел бы работать не на патологической, а на нормальной физиологии.

А вскоре к. м. н. В.С. Сумбаев был назначен и.о. зав. кафедрой патофизиологии, а я был переведен на кафедру нормальной физиологии на должность ассистента.

Мою радость нельзя было выразить словами. К тому времени я был знаком с Игорем Дмитриевичем всего 2 недели, но уже успел не только полюбить его, но даже не мыслил дальнейшую свою жизнь без этого человека. Мне все нравилось в нем – и его голос и способность рассуждать и умение считаться с чужими взглядами, но ни в коем случае не отступать, если ты чувствуешь себя правым.

В последний день недели перед началом занятий Игорь Дмитриевич созывает кафедральное заседание. В повестке только один вопрос: о проведении первых двух практических занятий. Решается он чрезвычайно быстро. Первое занятие вводное – рассказ о Кафедре и предмете физиологии. Шеф просит меня обратиться

особое внимание на то, как должны вести себя студенты на Кафедре. Второе занятие – приготовление нервно-мышечного препарата из лапки лягушки и так называемый закон силовых отношений.

– Вы, Лилия Павловна, знаете, как проводились занятия в прошлом году. В этом году изменений по разделу «Физиология возбудимых тканей» не будет. А Борис Ильич побывает у меня и у вас на занятиях, прежде чем пойдет в группу.

Всё заседание заняло не более пяти минут. Я был удивлён: подобные совещания в Саратовском институте могли длиться часами, а здесь всё решилось так быстро и просто.

И вот наступил первый день занятий. Я всю ночь не сплю. Правда, в девять утра лекция Игоря Дмитриевича, далее практические занятия в двух группах – одну из них ведёт Игорь Дмитриевич, другую Лилия Павловна. А затем наступит мой черёд.

Итак, первая лекция. На Игоре Дмитриевиче белый, хорошо отутюженный халат. Я гляжу на своего шефа. Внешне он выглядит абсолютно спокойным. Но мне кажется, что это только внешне, на самом же деле он просто обязан волноваться. У меня же бешено колотится сердце, и мне кажется, что оно вот-вот выскочит из грудной клетки, а его удары слышат окружающие. Наконец-то звенит звонок, и Игорь Дмитриевич со своей небольшой свитой входит в зал. Мы садимся на первый ряд, студенческая аудитория постепенно затихает, и Игорь Дмитриевич начинает читать вступительную лекцию.

С первых же фраз я понимаю, что Игорь Дмитриевич настоящий артист. Впрочем, этого и следовало ожидать. Держится он совершенно свободно, ходит по сцене так, будто все мизансцены им заранее продуманы и разучены. Он не заглядывает в шпаргалку, хотя маленький листочек и лежит у него на трибуне. А когда дело доходит до трудов классиков, он целые куски из их работ цитирует наизусть.

«Если механик боится прикоснуться к сложному механизму, боясь его повредить, если художник боится тронуть кистью выдающееся произведение мастера, то какое же благоговение должен испытывать физиолог, останавливаясь

перед великим творением природы». И всё же, «только пройдя огонь эксперимента, медицина может стать тем, чем быть должна». И эти слова старейшины физиологов мира, великого И.П. Павлова в устах шефа звучат как монологи из классических произведений великих драматургов и поэтов. А я чувствую, что у меня по спине бегут мурашки.

Вот это память! – восхищаюсь я. А как свободно он держится. И как точно умеет расставить ударение, выделить голосом нужное слово. И нет менторского поучительного тона. Такое впечатление, что делится человек своими знаниями с друзьями.

Обычно на первых лекциях студенты плохо слушают преподавателя. Ведь каждый твердит одно и то же, мол, нет более важного предмета для врача, чем тот, что преподаю я.

На первой лекции у Игоря Дмитриевича мёртвая тишина. Лишь слышно, как поскрипывают перья, ведь в те годы еще писали не шариковыми, а перьевыми ручками. И Игорь Дмитриевич не расхваливает свой предмет и не убеждает студентов, что нет ничего интересней физиологии. Он приводит такие интересные факты, что невольно начинаешь считать: на кафедре нормальной физиологии тебя ждут увлекательные путешествия в мир загадочного, неизведанного и необыкновенно интересного.

После лекции (и это вошло в норму) состоялось её обсуждение. Ну что мы, новички, могли вместе с Лилией Павловной произнести, кроме хвалебных слов. Но наш шеф был требователен и настойчив, и постепенно мы разговорились, осмелели и даже позволяли себе спорить в шефом.

После перерыва я иду на практическое занятия к Игорю Дмитриевичу. Он проводит его так просто, что мне кажется, что это совсем не трудно. И когда наступает моя очередь одному идти в группу, я не чувствую особого мандража. К черту план, разработанный мною для первого занятия – я буду в точности копировать рассказ шефа.

Но Игорь Дмитриевич уже в первый год работы заставляет нас читать лекции студентам. Первую лекцию Лилии Павловны я не слышал, тогда я еще работал в

Касменске-Уральском. Но Игорь Дмитриевич отзывался о ней с восторгом. А вот теперь наступила моя очередь.

На одном из кафедральных совещаний Игорь Дмитриевич заявляет: «Скоро нужно будет читать лекцию по гемостазу. Где мне тягаться с вами, Борис Ильич, своими скромными знаниями по этому вопросу: вы диссертацию по свёртыванию крови написали. Так что читайте эту лекцию Вы.»

Мое хорошее настроение словно бурным потоком смыло. Читать лекцию студентам? Да ещё в присутствии самого Игоря Дмитриевича!

Шеф смотрит на мое сразу же осунувшееся лицо и сдержанно улыбается:

– Да вы не пугайтесь. Все мы когда-то читали лекции студентам в первый раз. Так пусть это будет для вас боевым крещением...

А вскоре в наш небольшой коллектив вливается новый сотрудник, занявший должность старшего лаборанта Вера Львовна Черкашина. Приехала с юга. Родители ее жили в городе Севастополе. Она окончила биологический факультет Ростовского университета. Какой путь привел ее в мединститут и к нам на кафедру – не знаю. В городе ведь был и пединститут с биологическим факультетом. Но факт тот, что пришла к нам молодая и обаятельная женщина. Наш коллектив пополнился еще одним очень добросовестным работником, который явно пришелся нам ко двору. С Верой Львовной Игорь Дмитриевич проработал до конца дней своей жизни, так как забрал её, уезжая в Воронеж, на вакантное место ассистента. Кстати сказать, Вера Львовна на нашей кафедре вела практические занятия и оказалась прекрасным преподавателем.

Со временем я узнаю, чему посвящена докторская диссертация столь молодого доцента. Оказывается, доцент Боенко интересуется проблемой интерорецепторов.

К головному мозгу несут кровь две общие сонные артерии. В области шеи каждая из них разветвляется на наружную и внутреннюю. В этом месте находится клубочек из нервных окончаний (рецепторов), получивший наименование «каротидный синус» или «каротидный клубочек». Если повышается кровяное давление, то эти окончания возбуждаются, и в результате наступает рефлекторное

расширение кровеносных сосудов, благодаря чему кровяное давление вновь возвращается к норме. Но так происходит лишь у здорового человека. А у больного с повышенным кровяным давлением этот рефлекс почему-то «не работает», и кровяное давление остается повышенным на долгие годы. Вот этим-то вопросом и решил заниматься молодой доцент Боечко и сразу же сделал несколько серьезных открытий.

В течение многих лет ученые предполагали, что в области каротидного синуса находятся лишь рецепторы, реагирующие на повышение и понижение кровяного давления, а также на изменение химического состава крови. А доцент И.Д. Боечко еще в пятидесятом году показал, что в каротидный клубочек входят ещё и терморепторы. Повысится температура крови у человека – возбуждятся терморепторы и пошлют сигнал в нервную систему, а оттуда поступит приказ к кровеносным сосудам: а ну-ка, расширяйтесь и отдавайте тепло в окружающую среду. Вот так у здорового человека работает один из механизмов, регулирующий температуру тела.

Но и это не всё. Оказалось, что мощная рецепторная зона находится в стволе общей сонной артерии, и нужна она для того, чтобы продублировать деятельность каротидного синуса и надежно обеспечить нормальный уровень кровяного давления, работу сердца, дыхания, состав крови и температуру нашего тела.

А отсюда вытекает чрезвычайно важный вывод: существует не каротидная рефлексогенная зона, а каротидная рефлексогенная система, включающая ствол общей сонной артерии, каротидный синус, а также наружную и внутреннюю сонные артерии.

Но это всё у здоровых, а как же у больных гипертонией? Этим вопросом Игорь Дмитриевич поручил заняться Лилии Павловне. Но ведь эта тема буквально неисчерпаема, хватит и на мою долю.

Вот с такими мыслями я и отправился к своему новому шефу за темой научной работы еще до возвращения студентов из колхоза

– Соскучились по науке? Это хорошо. Но ведь скоро из колхоза вернутся студенты, и вам придётся вести практические занятия. Не пора ли начать читать учебник физиологии?

– Игорь Дмитриевич! Да я его и так чуть ли не сутками читаю.

– Так уж и сутками? – с усмешкой заметил Боечко. – Ну ладно, договоримся так. Вы мне принесёте свою кандидатскую диссертацию, я познакомлюсь с ней, и мы решим, чем вы будете заниматься дальше

Через два дня Игорь Дмитриевич вернул мне мою многострадальную диссертацию и предложил заняться суточной периодикой морфологического состава крови. Это означало, что я должен считать эритроциты, лейкоциты, лейкоцитарную формулу и тромбоциты.

Предложение нового шефа ничуть меня не испугало. Но мне-то хотелось заниматься проблемой, над которой работали Игорь Дмитриевич и Лилия Павловна. Почему же я в этом коллективе должен быть изгоем?

– Вы уже наметили свой путь в науке и должны идти им дальше. Разрабатывать чужие идеи гораздо легче, чем выдвигать свои. А я считаю, что вы для этого вполне созрели...

Уже на первых лекциях Игорь Дмитриевич объявил, что при кафедре будет работать научный студенческий кружок. От Лилии Павловны я знал, что в прошлом году студенты работали очень активно, но выступали они только с реферативными сообщениями.

Желающих работать в научном кружке оказалось предостаточно. Один Игорь Дмитриевич с такой оравой кружковцев справиться не мог, и он сразу же предложил, чтобы мы часть студентов использовали для выполнения фрагментов наших научных исследований.

– Если студент проявляет истинный интерес к науке и хорошо успевает, почему бы ему сразу не дать тему экспериментальной работы, – заявил шеф, и мы возражать не стали.

Научный студенческий кружок собирался на заседания два раза в месяц. Вёл их сам шеф, но мы, ассистенты, обязаны были докладчиков готовить заранее.

Первое заседание в год моего приезда состоялось в ноябре. Доклад делали два студента третьего курса, работавшие под руководством самого шефа. Я не помню темы доклада, но, если мне не изменяет память, работа была связана с воздействием постоянного тока на нервно-мышечный аппарат лягушки. Ребята еще весной сдали экзамен по физиологии и, как настоящие студенты, успели многое забыть за лето.

Заседания кружка проходили очень бурно. Студенты не только задавали много вопросов, но и принимали участие в обсуждении докладов. А шеф умел подогреть любопытство, подбрасывая интересные вопросы, помогая находить на них ответы и, что самое главное, всегда подчеркивал, какое значение имеет работа для клинической практики.

А в декабре состоялось заседание кружка, посвященное пятидесятой годовщине со дня смерти Ивана Михайловича Сеченова. На нём студент-второкурсник Толик Вощенко делал сообщение о работах Сеченова по исследованию газов крови.

Очень интересным было заседание научного студенческого кружка, посвященное учению Н.Е. Введенского о парабиозе. Произошло это на третий год моей работы в институте. Доклад делал студент второго курса Семён Вайстух. Семён до поступления в институт закончил военно-медицинское училище и одиннадцать лет прослужил помощником врача на забайкальской границе. Так что в институт он пришел, уже будучи тёртым калачом.

На заседание кружка пришло более ста человек. Докладывал Сеня около часу и, в основном, упирал на клинику, пытаясь объяснить симптомы ряда заболеваний, а также действие лекарственных препаратов с позиций учения Николая Евгеньевича Введенского. Доклад получился очень интересным, а Игорь Дмитриевич с помощью наводящих вопросов сумел сделать так, что ничего не понимающие в клинике студенты принялись активно обсуждать сообщение Семёна.

Быстро бегут дни за днями, и вот уже замаячил конец учебного года. Мы все ждём его с нетерпением. Но особенно он знаменателен для нашего шефа – скоро он отправится в Рязань защищать докторскую диссертацию. Более года ждал Игорь

Дмитриевич этого момента и, конечно же, волнуется, хотя старается не подавать виду. И вот 17 апреля пятьдесят шестого года неожиданно из Рязани приходит телеграмма от шефа Игоря Дмитриевича, профессора Василия Фёдоровича Широкого. Все оппоненты дали положительные отзывы... за исключением профессора Василия Николаевича Троицкого. Ему не совсем понятна работа шефа, и он требует дать разъяснения, почему в опытах с регистрацией дыхания применялся наркоз разной глубины, и почему с помощью изобретённого Игорем Дмитриевичем прессометра давление на каротидный синус наносилось с различной силой и в разные промежутки времени. Замечания остальных оппонентов не носят принципиального характера, и мы с Лилией Павловной надеемся, что защита пройдёт благополучно.

– Да ведь это же козе понятно, почему давление наносилось с различной силой, – возмущается шеф, – иначе как бы я мог выяснить, что регуляция кровяного давления осуществляется по закону силовых отношений: чем больше повышаешь давление в каротидном синусе, тем сильнее оно снижается. Тоже мне, специалист!

Но профессор Широкий неумолим. И хотя защита диссертации назначена на 5 мая, он просит Игоря Дмитриевича уже 24 апреля быть в Рязани.

19 апреля Игорь Дмитриевич вылетает в Москву, а в Читку он обещает вернуться лишь к 20 мая. Ведь после защиты необходимо будет оформить массу документов для ВАКа.

Шеф часто звонит домой, жене Софье Ильиничне, и мы узнаём от неё все новости. Наконец, 5 мая на имя ректора приходит сообщение: Игорь Дмитриевич успешно защитился.

Нашему ликованию не было предела. На кафедре настоящий праздник. Я с радостью сообщаю студентам эту приятную весть, и они встречают мое сообщение аплодисментами. Эти овации – признание в уважении и любви к нашему шефу.

А Лилия Павловна, оправившись от болезни, очередное практическое занятие во всех группах посвящает победе шефа. Она не только рассказывает, в чём заключается смысл диссертационной работы Игоря Дмитриевича, но много говорит о шефе как о человеке. И студенты буквально засыпают её вопросами:

– Мы заметили, что ваша кафедра очень дружная. Вы всё делаете вместе. Кто в этом виноват?

– Конечно, Игорь Дмитриевич. Он сумел создать настоящий дружный коллектив.

– А как Игорь Дмитриевич ухитрился так рано защитить докторскую? Ведь ему всего тридцать пять, да к тому же он воевал.

– Наш шеф обладает колоссальной трудоспособностью. И он действительно влюблён в физиологию и науку и готов сутками сидеть над опытами.

Вопросы, вопросы, вопросы! Подражая Лилии Павловне, я тоже начинаю очередное занятие с рассказа о шефе и вижу, что студенты слушают меня с нескрываемым интересом.

Двадцатого мая приезжает Игорь Дмитриевич, мы все собираемся у него на квартире, и он рассказывает, как протекала защита. Профессор Троицкий после беседы с шефом все возражения снял. На защите никаких эксцессов, никаких неожиданных вопросов, всё гладко, как по накатанному льду.

После защиты Игорю Дмитриевичу вскоре было присвоено звание профессора, а через 3 года он прошел на должность заведующего кафедрой нормальной физиологии Воронежского мединститута.

Игорь Дмитриевич проработал в Чите всего 8 лет, но успел сделать столько, сколько другой не смог бы сделать за всю свою жизнь. Не знаю, как ему это удалось, но вскоре в Чите оказались его бывшие кружковцы Александр Васильевич Завьялов и Вадим Петрович Скипетров.

С Игорем Дмитриевичем Саша Завьялов знаком давно, с пятьдесят третьего года. Он пришел к нему в научный кружок, когда был еще студентом второго курса института, и работал там вплоть до окончания института, изучая слюноотделительные рефлексы у людей в норме и патологии. Закончил Завьялов Рязанский медицинский институт с отличием, был сталинским стипендиатом и прославился тем, что после разоблачения культа личности отказался получать сталинскую стипендию. Вероятно, этот поступок явился основной причиной того, что Завьялова отправили к черту на кулички в далёкое Забайкалье. До того, как у

нас появилось место ассистента, Завьялов работал в ФАШ и вытрезвителе, но всё свободное время проводил на Кафедре. Добросовестности и пунктуальности Завьялова может позавидовать любой из нас. Если Саша (его все на Кафедре, кроме Веры Львовны, зовут Сашей) что-либо пообещал, то обязательно выполнит. На занятия Завьялов приходит минута в минуту и так же по звонку покидает аудиторию. На лекциях Саша само внимание, он боится пропустить хоть одно слово шефа.

Вскоре Завьялов становится нашим общим любимцем. Совершенно ясно, что на него можно положиться абсолютно во всём – такой никогда не подведёт.

В прошлом семестре меня избрали на должность доцента..

Итак, нас теперь четверо – профессор, доцент и два ассистента.

Игорь Дмитриевич отдаёт мне на откуп стомфак, и я должен буду прочесть там весь курс лекций.

С этого года шеф больше практические занятия не ведёт. Он считает, что я и Вера Львовна – довольно опытные преподаватели, так что Саша Завьялов может учиться у нас. И Саша добросовестно ходит то ко мне, то к Вере Львовне на практические занятия.

Но Завьялов не копирует ни меня, ни Черкашину. У него появляется своя манера разговаривать со студентами, и это меня очень радует.

Вскоре шеф выбивает еще одну ставку ассистента и предлагает занять её другому своему ученику Вадиму Петровичу Скипетрову.

Вадим (даже Вера Львовна зовёт его Вадимом) также закончил Рязанский медицинский институт с отличием, но работал в кружке при кафедре патологической физиологии под руководством известного в Союзе ученого, профессора Сергея Викторовича Андреева, ученика академика Неговского, посвятившего всю свою жизнь проблеме оживления организма. Скипетров оживлял сердца людей, погибших от различных заболеваний. Работа эта ему чрезвычайно нравилась и казалась необыкновенно интересной.

Целый год проработал Вадим акушером-гинекологом в селе Турунтаево, находящемся в шестидесяти километрах от Улан-Удэ. Будучи человеком

незаурядным, он решился на первое в своей жизни кесарево сечение, и вскоре от желающих «прокесариться» у него не было отбоя. Да и аборт он сделал немало. Отличился Скипетров еще и тем, что категорически отказался прийти на избирательный участок по выборам в Верховный Совет СССР. В то время это считалось настоящим преступлением, и я до сих пор не знаю, как это сошло ему с рук.

И еще одно новшество ввел в Турунтаево Вадим. Он попытался принимать роды под гипнозом и, по его собственным словам, делал это вполне успешно.

Начальству вольнодумец Скипетров пришелся не по вкусу, и его легко отпустили в Читу, куда Вадима звал закадычный друг Саша Завьялов.

Игорь Дмитриевич попытался устроить Вадимушку, как он его ласково называл, на кафедру биохимии. Но из Улан-Удэ прислали такую убийственную характеристику на Скипетрова, что от этой мысли пришлось отказаться. И тогда шеф предложил Вадиму поехать в Газимуро-Завод на Уровскую научно-исследовательскую станцию и там заняться изучением уровской болезни (Кашина-Бека), которая на территории СССР встречалась только в Читинской области.

Мне Вадим Скипетров сразу же пришелся по нутру. Мы с шефом навестили его в первый же год работы на Уровской станции. Нам очень понравилось, как тщательно работает Вадим, и Игорь Дмитриевич решил запланировать ему кандидатскую диссертацию.

Вадим (даже Вера Львовна зовёт его Вадимом) также закончил Рязанский медицинский институт с отличием, но работал в кружке при кафедре патологической физиологии под руководством известного в Союзе ученого, профессора Сергея Викторовича Андреева, ученика академика Неговского, посвятившего всю свою жизнь проблеме оживления организма. Скипетров оживлял сердца людей, погибших от различных заболеваний. Работа эта ему чрезвычайно нравилась и казалась необыкновенно интересной.

С первого курса стала посещать научный студенческий кружок Людмила Двинина. Она же была и первой аспиранткой, успешно защитившей кандидатскую диссертацию.

Под руководством Игоря Дмитриевича за период работы в Чите были защищены 4 кандидатские и 2 докторских диссертации (автора этих строк). Но главное заключается не в этом. Он не только создал, оборудовал и возглавил кафедру, он создал прекрасный коллектив, заложив новые, не бывало до сего времени традиции, которые не угасли до сих пор. Игоря Дмитриевича до сих пор вспоминают как удивительно порядочного человека, необыкновенно доброй души, блестящего организатора, изумительного преподавателя и выдающегося оратора и ученого.

Почетный зав. кафедрой нормальной физиологии ЧГМА, заслуженный деятель науки РФ, д.м.н, профессор Кузник Борис Ильич

21 марта 2021 г.